

Татьяна Вилкул

**«ВЪСТАША ЛЮДЬЕ...»
КОНФЛИКТЫ ГОРОЖАН С КНЯЗЕМ**

Древнерусские летописцы не часто обращали внимание на лиц не княжеского происхождения. Но если уж это делалось, на то были веские причины. Существует несколько типов сюжетов, где появляются персонажи из не княжеского рода (бояре, «людье»-народ, слуги и т.п.). В их числе – конфликт горожан с князем. Как все, что касается каким-либо образом вече, такие сообщения давно занесены в исторические труды, получили свою оценку и проанализированы со всех возможных точек зрения. Кроме одной, как представляется, наиболее интересной. Историками практически не привлекались параллельные тексты разных летописей, касающиеся конфликтных ситуаций. В том, как разные летописцы описывают некое событие, а в нашем случае «ссору» горожан и князя, имеются существенные расхождения, позволяющие проследить конструирование нарратива. Расхождения касаются характера собрания, временных параметров, иных деталей. Как можно предполагать, это связано с оценками событий и их участников разными летописцами¹. Больше всего, разумеется, новгородских сюжетов, т.к. разногласия новгородцев с их князьями чаще всего попадали на страницы летописей. Вместе с тем, встречаются известия киевские, галицкие, рязанские. Существуют определенные закономерности нарративного конструирования в параллельных сюжетах данного типа, определению которых и посвящена эта статья.

Первая пара текстов касается *смены князей в Новгороде 6675/1167 г.* (так, в Новгородской первой летописи, далее НПЛ, в Ипатьевской летописи, далее Ипат. - 6677/1169 г.)²: на место Святослава Ростиславича пришел Роман Мстиславич. Версии Ипат. и НПЛ не сопоставляются, т.к. строго распределены по темам исследований. В работах, посвященных вечевой тематике, привлекаются сведения

Ипат., а в разделах, освещающих предпосылки похода Андрея Боголюбского на Киев 1169 г., – НПЛ³. Безусловно, речь идет об одном и том же событии, поскольку из источников известно только одно княжение Романа в Новгороде.

Прощупывается фактологическая основа обоих известий. После смерти Ростислава Мстиславича и вокняжения в Киеве его племянника Мстислава Изяславича в Новгороде также сменился князь. Ушел Святослав Ростиславич, причем, ушел до своего, так сказать, официального изгнания. На его место сел сын нового киевского князя. Но ситуация освещается по-разному.

Ипат	НПЛ
<p>Том же лѣтѣ начаша новгородци вѣче дѣяти в таинѣ по дворомъ на князя своего на Святослава на Ярославича⁴. И приѣхавше на Городище приятели его, начаша повѣдати: княже, дѣють людье вѣче ночь, а хотять тя яти, а промышляи о собѣ. Князь же испытавъ извѣсто о собѣ и о нихъ, яви дружинѣ своеи. И рѣша ему дружина: а топерво суть к тобѣ хрестъ целовали вси по отни смерти; но обаче невѣрни суть всегда ко всимъ княземъ, а промышляимы о собѣ, али начнуть о насъ людие промышляти.</p>	<p>Въ то же лѣто выиде князь Святославъ из Новагорода на Луку, и присла въ Новъгородъ, яко не хоцю у васъ княжити. Новгородци же цѣловавъше святую Богородицю, яко не хоцемъ его, идоша прогнать его съ Лукъ. Онъ же услышавъ, оже идуть на нь, иде Торопыцю, а новгородци послаша въ Русь къ Мьстиславу по сынъ. Святославъ же иде на Вьлгу, и вѣда ему Анъдреи помощь, и пожьже Новьи Търгъ... И съложишася на Новъгородъ Андрѣи съ смолняны и съ полоцяны, и пути заяша, и сълы изьмаша новгородскыя вьсѣде, вести не дадуци Киеву къ Мьстиславу, а Святослава силою местяце въ городъ, а то слово рекуще: нѣту вамъ князя иного, развѣ Святослава.</p>

Согласно Ипат, Святослава вынудили уйти из Новгорода новгородцы, которые организовали заговор, «дѣяли вѣче» по ночам. Оценка горожан однозначно отрицательная: нарушили только что данную перед смертью отца молодого князя присягу, хотели схватить

Святослава. Обвинение в «неверности» эксплицитно выражено в речах дружины князя. Указание на ночное время проведения тайных собраний – деталь, подчеркивающая такую характеристику: срабатывает символика светлого и темного, ясного, честного и скрытого⁵. В дальнейшем изложении нет сведений об отстаивании Святославом своих прав, борьбе за княжение⁶. Побочно осуждается старший из соперников Ростиславича – новый киевский князь Мстислав. Присылая сына в Новгород, он якобы совершил ужасную ошибку, это вызвало поход на Киев и в конечном итоге, лишение его киевского стола⁷.

Наоборот, по НПЛ, инициатором конфликта выступил Святослав Ростиславич. Именно он первым ушел из Новгорода, да еще и прислал с обидными «речами». Никакого заговора не было, НПЛ рисует только вынужденные ответные шаги новгородцев. Горожане посылают за Романом, но уже после того, как Святослав от них отказался. Сообщается, что он не был невинной жертвой, его союзники пытались силой вернуть его в Новгород. Приход Романа фиксируется с деталями, придающими рассказу торжественность (указание на индикт, «радость» горожан, и т.п.): ординарная смена князя в Новгороде после перемещений на киевском столе⁸ представлена как некое достижение новгородцев. Вместе с тем, вокняжение Романа автономизировано и не связано с киевской политикой⁹.

Обе версии, каждая по-своему, скрывают подтекст конфликта – перемены на киевском столе, борьбу княжеских коалиций. В обеих нарративах начинают борьбу отрицательные персонажи, а положительные только принимают необходимые меры. Интерпретируя указания на активность или пассивность героя или жертвы, следует учитывать, что в сознании связь «а случилось после b» равнозначна и часто заменяется на: «а случилось вследствие b». Таким образом, вопрос «кто первый начал» выливается в вопрос «кто виноват». Летописцы выстраивают последовательно активную или пассивную линию, что приводит к темпоральным смещениям. В частности, по НПЛ, вече состоялось после бегства князя, а по Ипат – до того, как он покинул Новгород. Конструирование вызывает и

нелогичность изложения, например, в НПЛ: если Святослав сам заявил, что «не хочет» княжить, зачем было силой возвращать его на стол. И разумеется, участникам конфликта в Ипат и НПЛ даны диаметрально противоположные оценки. Система формантов (основных элементов нарративной конструкции) в НПЛ, оправдывающей горожан (версия «а»), такова: активность жертвы-Святослава, пассивность героев-новгородцев, отрицательная характеристика жертвы, положительная характеристика соперников жертвы, Мстислава Изяславича с его сыном Романом и самих новгородцев. В Ипат, осуждающей вечников (версия «b»), все перевернуто с ног на голову или, не исключено, наоборот: активность горожан и соперника, пассивность жертвы, отрицательная оценка новгородцев и соперника, положительная – Святослава. В обеих версиях весьма фрагментарно, отдельными намеками показан более широкий политический контекст борьбы за Киев.

Другое параллельное сообщение – о *конфликте Всеволода Ольговича с новгородцами*, датированном в сводах 6648-6649/1140-1141, 6648-6650/1140-1142 или 6649-6650/1141-1142 гг.¹⁰ О нем известно из трех сводов: Лаврентьевской летописи (далее Лавр), Ипат и НПЛ, в основе Лавр и Ипат лежит общий текст. Историки обычно опираются на версию Ипат, т.к. она «полнее», чем Лавр, или же на НПЛ, изредка прибегают к контаминации текстов, противоречивость известий не учитывается¹¹.

Содержательные смещения весьма значительны. Самостоятельная единица – общие фрагменты Лавр и Ипат, дополнительные блоки Ипат не всегда надежно и непротиворечиво с ними стыкуются. НПЛ не зависит от них обоих. Тема сюжета – последнее изгнание Святослава Ольговича из Новгорода. Точнее, поскольку не все летописцы согласились бы с определением «изгнание», следовало бы подыскать нейтральное определение. Суть дела в том, что из Новгорода ушел Святослав Ольгович, и это вызвало конфликт с его братом, киевским князем Всеволодом Ольговичем. Последний задержал у себя новгородское посольство, а новгородцы тем временем посадили у себя сына Юрия Долгорукого, Ростислава. Каким-то

образом в эту историю были замешаны Мстиславичи, дети Мстислава Великого (что, вероятно, и составляло сердцевину конфликта, т.к. эти беспокойные князья много лет энергично боролись за свои интересы)¹². В следующем году ссора была улажена: Всеволод разрешил сесть в Новгороде Святополку Мстиславичу, а Ростислав вернулся к отцу.

Больше всего расхождений в описаниях завязки и развязки. Лавр повествует о том, что новгородцы выгнали Святослава, а после того отправили посольство в Киев. Горожане выставили требования Всеволоду Ольговичу, меняли свои решения, что и привело к углублению конфликта: «...а ко Всеволоду прислаша епископа с мужи своими, рекуще: даи нам сынъ свои, а Святослава не хотим. И посла к ним сынъ свои. И бывшую ему Черниговѣ, и новгородци сдумавше, рекоша Всеволоду: не хотим сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хотим племени Володимеря. Всеволодъ же посла по них и вороти епископа с ними, и держа и съ епископомъ. А новгородци сдумавше рекоша: даи ны шюрина своего Мстиславича».

Всеволод не пустил к ним никого, и запретил своим шуринам, представителям «племени Володимеря» Мстиславичам, вмешиваться в это дело. В следующем году, «не стерпяче безо князя сѣдिति», новгородцы послали в Суздаль к Юрию Долгорукому, и он дал им своего сына. Наконец, дело уладилось: «... оуладися Всеволодъ с шюринома своима и да има Новъгородъ, и посадиша Святополка Новѣгородѣ, а Гюргевица заста Новѣгородѣ и посла и къ отцю».

Все фрагменты Лавр, за исключением последнего, читаются также и в Ипат, но композиционно размещены иначе. Сначала сообщается о недовольстве новгородцев и о том, что Святослав Ольгович сам просил у брата позволения оставить Новгород: «Почаша вѣставати новгородци оу вѣчи на Святослава про его злобу, онъ же оузрѣвъ... посла къ братоу Всеволодоу, река емоу: тягота, брате, в людехъ сихъ, а не хочю в нихъ быти, а кого тобѣ любо, того посли во нь».

Всеволод потребовал у новгородцев «моужь лѣпшихъ», хотел дать им на княжение своего сына. Узнал, что те снова «въсташа... въ

вѣчи и избиваютъ приятелѣ Святославѣ про его насилье», и не послал сына. Брат его тем временем «бѣжа ис женою, и съ дружиною своею». Далее идет текст, общий с Лавр, из-за чего создается противоречие: Всеволод уже отказался отправить в Новгород сына, но снова соглашается и снова отказывается. Такая неувязка возникла, очевидно, вследствие позднего редактирования. Вокняжение Святополка Мстиславича по киевской версии - результат договоренности Всеволода Ольговича одновременно и с Мстиславичами, и с новгородцами. Особо подчеркнута роль Изяслава, что отвечает тенденциям Ипат: «...Посла Изяславъ къ сестрѣ своей, реч: испроси ны оу зятѣ¹³ Новгород Великий братоу своему Святополкоу, она же тако створи... Посла Всеволодъ Святополка в Новъгородъ, шюрина своего, смолвися с новгородьци, которыхъ то былъ приять, и пояша и новгородци, и сѣде на столѣ, а Дюрдевич (Ростислава Юрьевича)... поусту къ отцю в Соуждаль».

Несмотря на множество расхождений, версия Ипат в целом близка Лавр. НПЛ же подает кардинально иные сведения. Всеволод сам просит поменять брата на сына. Новгородцы соглашаются, но задерживают Святослава Ольговича, тот бежит: «Придоша ис Кыева от Всѣволода по брата Святослава, вести Кыеву; – А сына моего, рече, примите собе князя¹⁴. И яко послаша епископа по сына его и много лепшихъ людий, а Святославу реша: – А ты пожди брата, то же поидеши. Онъ же оубоявъся новгородьць: Чи прѣльстивъше мя имуть, – и бежа отаи в ночь».

Только после этого новгородцы бьют и сбрасывают с моста приятелей князя: посадника Якуна с братом Прокопием. Далее рассказывается о том, как Всеволод разгневался, и новгородцы сидели 9 месяцев без князя. Наконец они послали к Юрию, и «въниде Ростислав Гюргевиць Новугороду на столъ». Заслуживает внимания тот факт, что в новгородском тексте нет даже намека на то, что горожане просили у Всеволода «племени Володимеря», сведения о Мстиславиче появляются лишь в статье следующего года: «Епископъ и купьце и слы новгородьскыя не пушаху из Руси, и они не хотяху иного князя развѣ Святопѣлка; и въда имъ (Всеволод) Святополка и-своею руку... Въниде Святопѣлкъ Новугороду... и пустиша Ростислава къ отцю».

Таковы три основных редакции конфликта. В отличие от предыдущей серии, интенции летописцев эксплицитно не выражены. Только в Ипат прямо охарактеризована жертва конфликта, Святослав Ольгович. Сказано, что новгородцы «въсташа у вѣчи про его злобу» и «насилъе»¹⁵. Можно предполагать также, что местный новгородский свод в описании конфликта держал сторону новгородцев. Но, в отличие от Ипат, здесь сделан только намек на осуждение князя. Говорится о тайных действиях в ночи и о страхе Святослава, а «боязнь» очень редко засчитывалась в плюс властителям. Кроме того, ситуация оценивалась новгородским летописцем как тревожная и опасная. Основание для такого утверждения - описание «небесного знамения» в начале 1141 г. «Знамения» средневековыми людьми трактовались чаще всего как вестники беды.

Косвенно оценки заданы также с помощью распределения пассивных и активных ролей. Для сравнения. Новгородцы выгнали Святослава Ольговича (Лавр и, с некоторыми оговорками, Ипат) – Всеволод сам просил поменять князя (НПЛ)¹⁶. Святослав Ольгович бежал, и только тогда начали бить его приятелей (НПЛ) – горожане начали их «избивати», а уже после этого Святослав бежал (Ипат). Новгородцы оказывали давление на киевского князя, чтобы он дал им Мстиславичей, и отклоняли его кандидатуры (Лавр и Ипат) – горожане покорно принимали киевских кандидатов (НПЛ). Всеволод сам уладился с шуринами (Лавр) – новгородцы настаивали, чтобы киевский князь дал им Мстиславича, и тот выполнил их волю (НПЛ)¹⁷. Очень важно, что подчеркивает пассивность новгородцев в завязке конфликта симпатизирующий им местный летописец, и он же делает акцент на том, что твердая позиция горожан поспособствовала завершению инцидента. Похоже, начинать конфликт, даже «за новгородскую правду», в этой системе оценок не засчитывалось в плюс.

Прямо противостоят одна другой версии Лавр и НПЛ. Согласно НПЛ, во всем виноват Всеволод Ольгович, а новгородцы играют пассивную роль, все их шаги вынужденные. Приятелей Святослава они избивают после бегства князя, уже имея на это право. Бывшего князя не стараются рисовать черными красками,

акцентируют лишь свое «послушание». При этом под 1140 г. говорится о том, что нескольких новгородцев отправили закованных в Киев, «потоциша Киеву... оковавъше», что еще более подчеркивает миролюбие горожан. Замалчивается намерение поменять Ольговича на Мстиславичей; упоминания о том, что новгородцы стояли за Святополка Мстиславича, появляются только в сцене развязки конфликта. Вместе с тем, именно в завершении на первые роли выдвигаются горожане: их стойкость позволила им получить князя, которого они пожелали, и они же вместе со Святополком отослали назад в Суздаль Ростислава Юрьевича.

Лавр, наоборот, вначале приписывает страдательную роль Всеволоду Ольговичу, а активные действия со знаком «-» – новгородцам. Горожане изгоняют брата и требуют послать на княжение сына – Всеволод послушно выполняет их волю. Они меняют решение и дерзко заявляют о том, что не желают видеть представителей Ольговичей, а хотят «племени Володимеря» – он только не пускает к ним Мстиславичей и задерживает посольство (никаких откровенно репрессивных мер¹⁸). Противоположно НПЛ и окончание Лавр: положительная роль по разрешению конфликта целиком отдана Всеволоду.

В Ипат за основу взята Лавр версия, но введены обширные дополнительные блоки, интенционально отличные от нее. Содержание первого из них напоминает НПЛ, хотя по сюжетным решениям существенно отличается. Помещен «компромат» на Святослава Ольговича, отмечается его злоба и «насилие», каких не было у новгородского летописца. В начале киевский книжник не так однозначно обвиняет новгородцев, как Лавр, но и не полностью обеливает, подобно НПЛ. Согласно Ипат, Святослава не изгоняли (как в Лавр) – он сам бежал. Однако причиной был не приказ брата, киевского князя (НПЛ), а недовольство горожан. К тому же, они поспособствовали бегству, первые, в отличие от НПЛ, начали бить приятелей Святослава. В сцене завершения конфликта горожане выполняют конструктивную функцию, уменьшается значение Всеволода и одновременно увеличивается значение Мстиславичей. Относительно последнего, смысловые смещения вполне отвечают

интенциям свода, где главными героями были Изяслав и Ростислав Мстиславичи. Если же говорить об изменении роли вечников, то Ипат была откровенно тенденциозной в описании конфликтов новгородцев и смоленских Ростиславичей (что, кстати, наблюдалось в первом сюжете), но это «восстание» показано сравнительно мягко. Как и в НПЛ, в завершении конфликта принимают участие горожане.

В целом, тексты НПЛ и Ипат оправдывают новгородцев (оправдывающая версия, «а», см. таблицу в окончании данной статьи). Отличаются они тем, что в НПЛ слабее представлен такой элемент, как отрицательная характеристика князя-жертвы¹⁹. В Лавр находим набор формантов, соответствующий осуждающей версии («b»): активная роль горожан, их отрицательная оценка, пассивность князя-жертвы и его положительная характеристика. Ипат смешивает элементы оправдания и осуждения («ab»), т.к. содержит общий с Лавр текст. Сложная конструкция обусловлена наличием нескольких слоев текста, появившихся, видимо, вследствие редактирования. Как и в предыдущем сюжете, слабо показан политический контекст.

Вернемся теперь к еще одному конфликту *Святослава Ростиславича и его отца, киевского князя Ростислава Мстиславича, с Новгородом в 6668/1160 г.*²⁰ Записи о нем также демонстрируют сложную систему содержательных смещений. В исторических работах обычно привлекается вариант НПЛ, иногда вместе с Лавр, и отдельно версия Ипат²¹. Тексты однозначно параллельные, Лавр текстуально близка к Ипат. Повествуется об изгнании новгородцами сына Ростислава, Святослава. Кроме названных действующих лиц, в историю замешаны суздальский князь Андрей Боголюбский и его племянник Мстислав. В Ипат также есть намек на участие черниговского Изяслава Давыдовича, одного из тогдашних претендентов на киевский стол.

Ипат в статье 1160 г. почти прямо заявляет, что причиной всему была провокация Андрея, посольство к новгородцам: «Андрѣи же снимається²² съ Изяславомъ на Волоцѣ и посла к новгородцемъ, река имъ: вѣдомо буди, хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ; а хрестъ цѣловали ко мнѣ на томъ, як имѣти мене княземъ

собе, а мнѣ вамъ добра хотѣти. И оттолѣ начашас новгородци мясти, и вѣче часто начаша творити».

Далее, под 1161 г., сообщается о первом вече горожан, потребовавших от Святослава Ростиславича: «выведи брата Давыда с Нового Торгу». «Не вередя имъ сердца», князь выполнил их требования. Почти сразу вслед за этим было созвано второе вече: «И не дотуда ста злоба ихъ, но паче на горшее зло подвигошас. Мало веремья переждавшее, и створше вѣче на Святослава, переступивше хрестьное цѣлование к Ростиславу и къ сынови его Святославу».

Описывается, как к Святославу примчал вестник, сообщая, что его хотят схватить («яти»), и князь возгласил патетические речи: «А что есми имъ зло створиль... а къ отцю моему хрестъ цѣловавше на томъ, яко имѣти мя княземъ собѣ до живота моего; а вчера ко мнѣ вси цѣловали святую Богородицу».

Подошла толпа людей, Святослава заперли, после отослали в Ладогу, дружину «исковаша», имение пограбили. Когда его отец узнал об этом, он повелел схватить новгородцев, бывших в Киеве, и бросить в Пересеченский погреб, где часть из них задохнулась. Тогда Ростислав «печалень бысть», остаток повелел выпустить из поруба и развести по городам. После чего из Новгорода «послашася къ Андрѣеви Дюрдевичю». Тот намеревался дать новгородцам своего брата, но они отклонили эту кандидатуру, «и пусти къ нимъ сыновца (племянника) своего Мъстислава Ростиславича». В следующем 1162 г. горожане поменяли свое решение, вновь приняли Святослава: «Пояша новгородьци Святослава... к собѣ княжить опять, а Гюргевича внука выгнаша от себе Мъстислава».

В версии Лавр последовательность событий обратная: вначале киевский князь хватает новгородцев, и эта несправедливость приводит к смене князя в Новгороде. «Прислашася новгородци к Андрѣеви къ Гюргевичю, просяще оу него сына княжити Новугороду, а Ростиславича Святослава выгнаша, зане (поскольку – *Т.В.*) бѣ Ростиславъ отецъ его измориль братью ихъ в погребѣ и многих имѣнье взялъ. Андрѣи же князь поча даяти имъ Мстислава брата своего, они же его не всхотѣша, и посла к ним сыновца своего Мстислава Ростиславича».

Развязка конфликта не фиксируется, но возможно, случайно, т.к. на рубеж 1160-1161 гг. приходится обрыв киевских известий в Лавр.

НПЛ сообщает о переменах на киевском столе, захвате и ссылке Святослава, однако ничего не пишет о реакции Ростислава и посольстве к Андрею. Действующие лица – одни горожане. «Прियाша новгородци Ростиславиця Святослава, и поправиша и въ Ладогу, а княгыню въпустиша въ монастырь святыя Варвары, а дружину его въ погрѣбъ въсажаша; и въвѣдоша Мъстислава Ростиславиця, вьнука Гюргева».

Запись о ссылке в Ладогу продублирована в статье этого года: «и ведоша Святослава въ Ладогу». Наоборот, инициатива возвращения на круги своя приписана князьям. Имена Андрея и Ростислава появляются под 1161 годом. «Уладися Ростислав съ Андрѣемъ о Новъгородъ, и вывѣдоста Мъстислава, ... а Святослава въвѣдоша опять на всѣи воли его».

Что касается интенций рассказа, эксплицитно они выражены в Ипат. Летописец не стесняется давать оценки новгородцам: «и не дотуда ста злоба ихъ», «горшее зло», дважды говорит о нарушении только что данного крестоцелования. Святослав Ростиславич изображен страдальцем: сцена «вопрошания» вестника имеет аналогии в Повести об ослеплении Василька Теребовльського²³. Ростислав Мстиславич – также положительный персонаж. Он, правда, бросил новгородцев в поруб, но уже после захвата сына. А, узнав о гибели части изменников, был «печален» и выпустил остальных. Лавр меняет знаки рассказа, утверждает о вопиющей несправедливости, учиненной киевским князем. Последовательность событий противоположная: Ростислав первый бросает новгородцев в поруб, да еще забирает «имѣние». НПЛ дает герметичное сообщение. Единственное, что привлекает внимание, – в отличие от Ипат, в завершении истории исчезают горожане, и действуют исключительно князья.

Снова наблюдается игра формантами активности/пассивности. В Ипат начинается конфликт Андрей Боголюбский. То, что он посылал в Новгород после встречи с Изяславом Давыдовичем,

намекает на связь конфликта со стержнем истории этих лет – борьбой за Киев между Ростиславом Мстиславичем и Изяславом²⁴. Новгородцы действуют активно, вынуждают своего князя Святослава выполнить их требования. Он уступает, как это делал Всеволод Ольгович под 1140 г. по Лавр. После этого и несмотря на это, они нарушают крестоцелование, хватают и грабят князя и его дружину. Вечевая деятельность горожан оценивается отрицательно, жестокость Ростислава Мстиславича – вынужденная. В завершении конфликта князья участия якобы не принимают: это вечники выгнали суздальского княжича и вновь посадили сына Ростислава, других агентов истории не видно.

Лавр переворачивает сюжет. Главный виновник неприятной истории – Ростислав Мстиславич. Он арестовал новгородскую «братию», и в результате новгородцы выгнали его сына. Роль Андрея сугубо пассивная: князь вмешался в дело по просьбе новгородцев, причем именно они выбирали, кто будет княжить в Новгороде. О столкновении княжеских интересов не пишется.

НПЛ спокойно сообщает о том, как схватили и разграбили Святослава Ростиславича и ввели Мстислава Ростиславича суздальского. Какие-либо сведения об отношениях с киевским и суздальским князьями здесь отсутствуют. Оба старших князя, Андрей и Ростислав, появляются только в завершении, и им приписывается инициатива разрешения проблемы. Такие черты расходятся с тем, что наблюдалось в предыдущем сюжете, где на выходе из конфликта главную роль в местном своде играли горожане. Несовпадение может быть вызвано разными причинами: особенным отношением новгородских летописцев к суздальским князьям²⁵ или редактированием²⁶ уже того времени, когда Святослав ушел из Новгорода. После 1167 г. Святослав стал для Новгорода персоной *non grata*, а по Ипат, даже умер, «воюя Новгородскую волость».

Основной целью суздальского летописца было показать «невиновность» Андрея, и лишь попутно он оправдывал новгородцев. Поэтому составитель Лавр использовал такие форманты: отрицательная характеристика и активность одной из жертв (Ростислава Мстиславича); неосуждение князя-соперника Андрея Боголюб-

ского, его пассивность; сочетание активной и пассивной функции горожан. Они выгнали Святослава после несправедливого поступка Ростислава, но фактически вынудили Андрея дать им нового князя. Элементы осуждающей версии почти в чистом виде представлены в Ипат. Здесь со знаком «плюс» изображаются Святослав и его отец, рассказывается о последовательной злонамеренной активности вечников и Андрея²⁷. Темпоральные смещения наблюдаются в Лавр и Ипат: последовательность событий – «новгородцы схватили Святослава – Ростислав схватил новгородцев» обратная (ab – ba).

НПЛ сочетает прямое сообщение о захвате Святослава и пассивность горожан в сцене отправки из города Мстислава. Активная роль отдана обоим заинтересованным в деле князьям-соперникам, оценки отсутствуют. Такая комбинация не совсем обычна и может быть вызвана разными причинами. Возможно, для новгородца действительно конфликтной ситуацией было изгнание суздальского княжича, и позиция наблюдателя при выводе из города Мстислава – показатель пассивности горожан, снимающей с них вину за потерю Суздаlem Новгорода. А если это связано с редактированием уже тех времен, когда Святослав стал для новгородцев одиозной фигурой, ударение ставится на непричастности вечников к возврату нежеланного правителя. Поскольку в тексте НПЛ наблюдаются признаки редактирования, можно допускать и совмещение разнонаправленных интенций.

Приведенные три сюжета достаточно полно характеризуют семантику записей и позволяют выявить особенности нарративного конструирования. Позволю себе ограничиться этим популярным числом. Имеются и иные параллельные тексты, касающиеся Новгорода: 1157-1158, 1208, 1215, 1221-1223, 1255, 1258 гг.²⁸ Форманты повествования в них в основном аналогичны тем, что наблюдались в сюжетах 40-60-х гг. XII в. При том, как уже говорилось, параллельные описания конфликтов горожан с князем – не только новгородский феномен. Подобные же тексты освещают историю Рязанской, Галицкой и Киевской земель. И поскольку они по сравнению с новгородскими встречаются реже, их ценность для исследователя неизбежно будет выше.

Записи о конфликте рязанцев с суздальским князем Всеволодом Юрьевичем помещены под 6716/ 1208 г. в Лавр, 6717/ 1209 г. в Летописце Переяславля-Суздальского (далее ЛПС) и 6718/ 1210 г. в НПЛ, реально речь идет о 1208 г.²⁹ Содержательные смещения в текстах весьма существенны. Предысторию, поход на Рязань 1207г. названные летописи также изображают по-разному, сохраняя, правда, основной набор событий. Всеволод захватил в плен рязанских князей, ходил на Рязанскую землю, взял Пронск, а по некоторым сведениям, также и столичный город – Рязань. После

НПЛ	ЛПС ³⁰	Лавр
Того же лѣта ходи Всеволодъ на Рязань, и рече имъ: поидите къ мнѣ съ сыномъ моимъ Ярославомъ за Оку на ряды (рядъ) ³¹ . И переидоша к нему, и ту я изма (схватил – Т.В.), и посла пълкы, изма жены и дѣти, а градъ ихъ зажьже, и тако расточи я по градомъ	Сѣдящю Ярославу Всеволодичю въ Рязани, и бысть ему вѣсть, яко хотять и иняти (схватить) рязанци. Слышавъ же се Ярославъ, и посла къ великому князю Всеволоду къ отцу своему въ Володимирь, повѣдаа бѣду свою. Слышавъ же се великий князь Всеволодъ, поиде въскорѣ къ Рязаню съ дружиною своею, а полкомъ по собѣ повелѣ поити, и тако пришедъ пожьже Рязань всю..., поймавъ люди вси, и иде къ Володимирю, и розосла ихъ по своимъ городомъ	Посла великий князь Всеволодъ сына своего Ярослава в Рязань на столъ. Рязанци же леть имуще к нему, цѣловаша крестъ ко Всеволоду и не управиша, и изимаша люди его и исковаша, а инѣхъ в погребѣхъ засыпавше измориша. Всеволодъ же слышавъ се иде на Рязань с сынми своими, и пришедъ ста оу града Рязаня, и Ярославъ изиде противу отца своего, и цѣлова и с радостью. И прислаша рязанци буюю рѣчь по своему обычаю и непокорьству, и повелѣ великий князь всѣмъ людемъ изити из града и с товаромъ, и яко изидоша вси, повелѣ зажещи град... и възвратися... и с сыномъ своимъ Ярославомъ, поимъ по собѣ всѣ рязанци и епископа ихъ Арсеня.

этого посадил своего сына Ярослава на княжение. (По другому своду – горожане добровольно приняли суздальского княжича, отвернувшись от своей династии). Перемирие впрочем, продолжалось недолго. Выступление рязанцев стало заключительным аккордом драматической истории.

Наивысшую вечевую активность постулирует враждебная рязанцам Лавр. Горожане первыми начинают «войну»: целовали крест и нарушили крестное целование, людей Всеволода схватили, иных из них «изморили». О рязанских князьях, пострадавших от Всеволода, речь не идет – в статье предыдущего года сказано, что их всех якобы добровольно отослали во Владимир сами же рязанцы. Когда Всеволод пришел, горожане не выказали никакого смирения: «прислаша... буюю (безумную) рѣчь». Суздальский князь просто вынужден был забрать всех их в плен, а город зажечь.

ЛПС не так сильно педантирует активность рязанцев. Горожане собирались схватить сына Всеволода, Ярослава, но их голосов непосредственно в сцене похода на Рязань не слышно, – никаких «буих» речей. Вообще, используя современные термины, рязанцы являются не субъектом политической деятельности, а аморфной массой, страдающей от нападения. Рязанских князей ЛПС не вычеркивает полностью из истории, в начале статьи пишется о возобновлении военных действий и отвоевании Пронска. Однако летописец все же не связывает этот сюжет с захватом Всеволодом Рязани. Идея «Всеволод Юрьевич отвечал на выступления горожан» подана в ином, более умеренном, ключе.

Любопытна версия НПЛ. В новгородском тексте активной фигурой является Всеволод. Не рязанцы присылают с безумными речами, а князь приглашает горожан к себе. При том приглашает «на рядь» или «ряды», то есть, предлагает мирный договор. А после того вероломно хватает людей и шлет войско на беззащитный город, на «жен и детей». Что подтолкнуло правителя к такому поступку – не сказано, поэтому это фактически «нападение на невинную жертву» Таким образом, в новгородском своде характер ролей, а также знаки наррации меняются на противоположные³².

В целом, как и в предыдущих случаях, смысл игры – в конструировании пассивной или активной линии поведения

горожан и князя. Наиболее пассивны рязанцы в НПЛ (см. таблицу в окончании статьи). Князья-соперники, рязанские «отчичи», которые, судя по ЛПС, не сидели, сложа руки, практически остались за кадром. Опущен, а порой сознательно скрывается и широкий контекст событий – смены князей в Киеве и Новгороде³³, усиление и ослабление политических коалиций.

К тому же периоду начала XIII в. относится реляция о *походе Рюрика Ростиславича на Галич, изгнании Данила и Василька Романовичей и вокняжении в городе Игоревичей*, сыновей знаменитого Игоря Святославича. Она помещена в Ипат (Галицко-Волынской летописи, далее ГВЛ) под 6710/ 1202 г., а также в двух статьях Лавр под одним 6714/1206 годом³⁴. Повествование содержит сообщение о собрании горожан. В Лавр обозначение собравшихся обычное – «галичане», ГВЛ пишет о «галицких боярах» и «галичанах»³⁵. На сей раз наличие двух нарративов привлекло внимание историков, и противоречивость версий вынуждены были объяснять. Полагают, что в ГВЛ и Лавр фиксируются нетождественные события одного времени. Поэтому, излагая историю 1206 (или 1205-1206) г., ученые чаще всего прибегают к контаминации версий³⁶.

Согласно Лавр, после смерти галицкого князя Романа Мстиславича Рюрик расстригся³⁷, опять сел в Киеве, договорился с черниговскими князьями Ольговичами и выступил в поход на Галич. Общее войско, «не оуспев ничтоже», возвратилось, и вскоре после этого собрали второй поход. На этот раз в составе войска сразу названы «Ольговичи», Рюрик, его дети и смоленские родичи, а также союзники-половцы. К Владимиру-Волынскому подошел король с венгерской «помощью», выпрошенной «Романовичами» (детьми Романа Даниилом и Васильком) и галичанами, которые посылали к королю совместное посольство. Военные действия описаны путанно и невыразительно: до Галича не дошли, сражение не состоялось, и наконец, все разошлись. Тем временем напряженная ситуация спровоцировала бегство Романовичей, а галичане, напуганные опасностью, тайно («отаи») пригласили в Галич нового князя, Володимира Игоревича.

«Романовича же видѣвша мятежь³⁸ в земли великъ и оубоястася, и не дождавше короля, бѣжаста из Галича в Володимерь... Галичане же видѣвше короля идуща прочь, оубояшася полковъ русских, еда възвратятся на нь опят, а князя оу них нѣту, здумавше, послашася по Володимера Игоревича отаи».

На эту деталь следует обратить особое внимание: первый шаг в Лавр, «убояшася», сделали князья, а такая трусость никогда не одобрялась (малолетство детей Романа не отмечено и соответственно, на них возлагаются все обязанности взрослых князей). В то же время горожане никого не предавали, пригласили нового правителя на пустующий стол. Как это ни странно, им оказался один из Ольговичей, сыгравших в событиях не последнюю роль. Причем отмечается, что венгерский король ранее договаривался с галичанами о другом князе, симпатичном суздальскому летописцу Ярославе Всеволодиче, но тот не успел вовремя въехать в город³⁹. Подчеркиваются детали, долженствующие засвидетельствовать отчуждение Володимира Игоревича от остальных черниговских князей. Он якобы приехал ночью, украдкой от своих родственников: «украдъся ис полковъ от своео братьи, гна об ночь в Галичь». Вероятно, летописец тут несколько подправил события, по крайней мере, далее он позабыл о своих намерениях рассоединить Ольговичей. Старший из черниговчан, Всеволод Чермный, приказывал сыну суздальского князя: «Галича не ищи подь моею братьею»⁴⁰.

ГВЛ сообщает лишь об одном походе Рюрика⁴¹. Состав войска очерчивается в самых общих чертах, главное же – отсутствуют упоминания Ольговичей. Помощь венгерского короля в этой версии выпросила княгиня, «Романовая», и «засада» прибыла в Галич, а не к Владимиру-Волынскому. Отличается и описание боевых действий. Рюрик таки приходил под Галич, но ничего «не оуспѣвши» из-за венгерской «засады», хотя горожане были на его стороне: «...и за то не смѣша галичанѣ ничто же створити». Князей поменяли уже после того, как опасность миновала, и это было вызвано заговором в городе. Жена Романа и дети бежали из Галича не до приглашения Игоревичей, а после него, т.е., по сравнению с Лавр последовательность событий обратная.

«Приведоша Кормиличича, иже бѣ загналъ великыи князь Романъ, невѣры ради, славяхоу бо Игоревича. Послушавъ же ихъ (Кормиличичей – Т.В.) галичкыи бояре, и послаша по нихъ (Игоревичей), и посадиша и, в Галичѣ Володимера, а Романа во Звенигородѣ. Княгини же Романовая, взявше детяте свои, и бѣжа в Володимерь».

Далее повествуется о намерении захватить Владимир-Волынский. Сказано, что галичане и их новые князья хотели «искоренити племя Романово», а действия горожан названы «безбожными».

Историки пытались согласовать версии. Наиболее распространенный способ предполагает раздвоение сообщения ГВЛ на «первый» и «второй» походы Рюрика, причем первый выносится в 1205 г. Такое решение имеет свои недостатки. Прежде всего, текст «режется по живому», ведь известие о втором походе и «снѣме» жены Романа с венгерским королем оказывается внутри описания первого похода⁴². Далее историки вынуждены выбирать разнящиеся информативные блоки. Как правило, конструируется некий искусственный, хотя и вполне привлекательный нарратив, и в этой своей конструкции исследователь контаминирует фрагменты летописи или переключается с одного на другой, опуская порой «лишние детали». Приведу для примера изложение событий в книге В.Т. Пашуто «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси». «Княгиня Анна и те галицкие бояре, которые были близки ей, послали за помощью в Венгрию» (согласно Лавр, короля просила «Романовая», а по ГВЛ – не бояре, а «галичане с Романовичами»). «Король поставил свой гарнизон в Галиче, а также «омирил» поляков, не пустив их на Волынь» (ввел засаду в Галич – по ГВЛ, сам ходил в поход и не пропустил поляков на Волынь – по Лавр). «Пока венгерский гарнизон находился в Галиче, местное боярство держалось в тени..., но едва король увел свой гарнизон, как галицкое боярство..., не желая принимать суздальского князя, решило призвать на княжение собственных ставленников» (по Лавр, король вывел войско с Волыни, галичане, а не бояре, боялись нападения, что и привело к смене династии в земле; ГВЛ же отмечает, что засада

стояла очень долго, но о походе самого короля ничего не сказано. О суздальском Ярославе есть только в Лавр, о желаних галицкого боярства – только в ГВЛ)⁴³.

Иной, более радикальный способ согласования предложил М.С. Грушевский. По его мнению, в ГВЛ «звсім пропущено» второй поход, «згадано тільки про приход Ігоревичів на галицькі столи»⁴⁴. Соответственно, события 1205 г. ученый реконструировал на основе 1-го сообщения Лавр и ГВЛ, а 1206 г. – преимущественно по 2-му известию Лавр⁴⁵. Таким образом историку удалось избежать нескольких противоречий, но на их месте возникли другие. Например, пришлось удвоить известие о помощи венгерского короля⁴⁶, хотя в суздальской летописи, которой М.С. Грушевский так доверяет, в первом сообщении о венграх нет ни единого слова.

Итак, противоречивость показаний летописей снять не удалось, да это и не нужно. Как показывает сравнение других параллельных текстов, древнерусские книжники могли порой изменять образ события «до полной его неузнаваемости». ГВЛ и Лавр имеют общий блок известий и в целом написаны по одной исторической канве. Это – поход Рюрика на Галич, помощь венгерского короля, бегство Романовичей и вокняжение Игоревичей. Такая ситуация не повторялась. Вскоре после того Романовичи утратили Галич, а Игоревичи были повешены. Все сказанное дает нам право рассматривать тексты как параллельные. Что касается двух походов Рюрика в Лавр, возможно, это одна из дублировок, возникавших время от времени при редактировании сводов. В Лавр дата 6714/1206 г. удваивается, и оба похода на Галич содержатся в двух разных статьях под одним годом⁴⁷. Исследование текста дает основания предполагать вмешательство в текст в данном месте Лавр⁴⁸. С другой стороны, нельзя исключать и возможность слияния походов в ГВЛ, также подвергавшейся редактированию.

Что касается содержательных расхождений, они укладываются в уже известные смещения в параллельных сюжетах. Например: посольство с просьбой о помощи в Лавр отсылали «галичане с Романовичами», в Ипат – княгиня. Это обычная игра: добрым персонажам приписывают добрые поступки. «Романовичам» Лавр противостоит «Романовая» Ипат. Причина неполной корреляции в

том, что Лавр игнорирует, а ГВЛ, напротив, подчеркивает малолетство детей Романа Мстиславича. Далее изображаются разные собрания галичан: в Лавр горожане решали важные дела после бегства Романовичей, а в Ипат – это измена князьям и призвание их соперников до бегства детей Романа во Владимир. В этом случае разные конструкции связаны с тем, как распределяются активные и пассивные роли. В Лавр агентами истории выступают Романовичи: они бегут первыми, а беззащитные галичане вынуждены призвать представителей другой династии. Наоборот, в ГВЛ активны лукавые горожане. Они все время пытаются избавиться от своих «отчичей», наконец приводят Игоревичей, и только тогда Данило и Василько бегут во Владимир. Темпоральные смещения (последовательность событий $ab - ba$) аналогичны выявленным в других параллельных сюжетах. Кроме того, оба летописца скрывают тот факт, что вокняжение Володимира Игоревича было связано с военным давлением. По Лавр, галичане «своею волею» пригласили Володимира, когда Ольговичи уже возвращались назад, и он фактически предал свою братью. ГВЛ не замалчивает, что под Галичем состоялась битва, но при этом Володимир Игоревич якобы не принимает участия в походе; его приглашают на стол уже в мирной ситуации. Очевидно, акция Рюрика и Ольговичей имела-таки определенный успех – в Галиче утвердился один из князей, приходивших на Галич. Однако отказ демонстрировать политический подтекст или более широкий фон событий в целом типичен для параллельных описаний конфликтов⁴⁹.

Конструкции ГВЛ и Лавр противоположны. Суздальский автор использовал схему «а», где сочеталось оправдание горожан и осуждение побежденного князя (в данном случае – двух, Данила и Василька). Романовичи проявили активность, сами бежали, действия галичан были вынужденными. Поступок горожан в таком изложении обусловлен «объективными трудностями». Отличие схемы от предыдущих сюжетов в том, что нет однозначно положительной оценки князей-соперников, Игоревичей⁵⁰. В ГВЛ (схема «b») сочетаются активность горожан и князей-соперников,

пассивность жертв-Романовичей. Соответствующим образом распределены и оценки: положительные отданы детям и жене Романа, отрицательными наделены их противники.

Как видим, параллельные известия о Рязани и Галиче в общем напоминают новгородские, и так же, как и они, весьма детально проработаны. Не столь выразительны сообщения о киевских событиях более раннего времени, середины XII в. Первая серия текстов касается *1154 г.: смерти Изяслава Мстиславича, чехарды на киевском столе, и в конечном итоге, вокняжения Юрия Долгорукого*⁵¹. Косвенные известия о вечевых собраниях киевлян находим в текстах Лавр и Ипат, где имеются общие блоки текста. Версия Ипат существенно расширена, и характер выдает позднее редактирование. Независимый вариант содержит НПЛ.

Согласно Лавр, после смерти Изяслава Мстиславича «кияне» посадили на столе его брата Ростислава. В интронизационных речах они желали ему мирно править вместе с дядей Вячеславом и обещали: «а до твоего живота (смерти – *Т.В.*) твой Киевъ». Новый князь пошел в поход на Чернигов на Изяслава Давыдовича, но внезапно умер старший из дуумвиров Вячеслав и политическая ситуация кардинально изменилась. Увидев силу союзников Изяслава половцев, Ростислав «оубояся» и стал торговаться с ним. Причем, торговать не только собственным Киевом, но и Переяславлем, волостью своего племянника. Тот, оскорбившись, покинул его. Приведенный эпизод должен засвидетельствовать то, что Ростислав сам был повинен в своем несчастье, оказался плохим политиком, но его никто не предавал. После поражения киевляне вынуждены были пригласить на стол черниговского князя, и вновь нет речи о предательстве. Между прочим, они просили: «...поиди г Киеву, ать не возмутъ (дабы не взяли – *Т.В.*) нас половци», – а половцы находились как раз в войске Изяслава⁵². Давыдович, однако, не удержался в Киеве. После подхода Юрия оба соперника, Ростислав и Изяслав, добровольно признали его сюзеренитет. Юрий, «милостивъ сын», уладил дело мирными переговорами, продемонстрировав свою силу и правильную политику.

Ипат включает дополнительные блоки сведений о Ростиславе

Мстиславиче, вписанные симпатизирующим ему летописцем, и некоторые подробности, касающиеся других князей, в основном с одобрительными оценками. Часть из них привела к неувязкам с фрагментами общего с Лавр текста, что указывает на позднюю редакцию⁵³. Относительно «киян» также имеется дополнительная информация. После смерти Вячеслава «мужи» Ростислава якобы провозглашали речи о необходимости договора с горожанами.

«Мужи же боряняхуть (запрещали) ему поити Чернигову, рекучи... а ты ся еси еще с людми... не оутвердиль, а поѣди лѣпле в Киевъ же с людми оутвердися».

В сцене посольства киевлян к Изяславу Давыдовичу еще раз подчеркивается инициатива черниговского князя и пассивность киевлян. Изяслав в этой версии сам направил посольство в город и заявил о своем намерении «поехать» в Киев.

Речь «мужей» принимали за доказательство большого влияния вечевых собраний в Киеве в середине XII в.⁵⁴, хотя и отмечалось, что сведения о договоренностях противоречивы⁵⁵. Думаю, здесь апелляция к реалиям невозможна, поскольку на самом деле речь идет не об отражении реальности, а об усилении одного из элементов нарративной схемы. В Лавр и общих с ее текстом фрагментах Ипат говорится об «утвержении» с Ростиславом, а после князь сам бежит, что полностью снимает подозрения в предательстве с кого бы то ни было, в том числе и с киевлян. Киевский летописец добавляет, что если бы заключили еще одно «уряжение», Ростислав остался бы в Киеве и создает некую видимость гарантии, которую давало такое соглашение. Гарантия была иллюзорной, т.к. Ростислав забрал уже все войско, сначала «киян», а после смерти Вячеслава – «прокъ дружины», и реальной пользы от «утвержения» быть не могло. К тому же, в случае военного поражения договор с горожанами отнюдь не был решающим фактором. В той же Ипат приводятся речи киевлян к своим побежденным князьям: уходите из города, «не погубите нас до конца»⁵⁶. Подчеркнутая пассивность киевлян в сцене приглашения Изяслава Давыдовича – такой же нарративный элемент. При сложившихся обстоятельствах Изяслав мог сесть в Киеве или в результате предательства киевлян, или с помощью

военной силы. Летописец старается уверить нас, что ни того, ни того не случилось. Не было предательства: киевляне однажды урядились и могли урядиться снова, но Ростислав сам не пожелал. Насилия горожанам также не было – был мирный договор с Изяславом Давыдовичем. Итак, двойной «ряд» исполняет нарративную функцию, и достаточно важную. Судя по всему, целью киевского книжника было не только создание редакции в пользу Ростислава Мстиславича, но и усиление оправдания «киян».

Совершенно независимую от Лавр и Ипат версию находим в НПЛ. Новгородский летописец кратко сообщает о сменах на киевском столе после смерти Изяслава Мстиславича.

«...прѣставися Вячеслав Кыевѣ. Тьгда же иде Ростислав къ Чернигову ис Кыева, сѣдевь Кыевѣ неделю 1, и побѣдиша и, прѣльстивъше, и сѣде Изяслав Давыдовиць Кыевѣ. 1155. На вѣрбницю вѣниде князь Гюрги Кыеву и сѣде на столѣ, а Изяслав избежа Давыдовиць Църнигову».

В отличие от Лавр и Ипат, НПЛ не информирует о действиях киевлян, агентами истории выступают князья. При большом желании намек на людей можно увидеть в слове «прѣльстивше», хотя выражение полисеманлично, а горожане не названы. О нечестной победе или предательстве, «лести» говорится в общем безоценочно. Но в контексте статей 1154 и 1155 гг. характеристика Ростислава Мстиславича – отрицательная, а Юрия – положительная. Ростислав «не створи ряду» новгородцам, и потому они выгнали его сына, тогда как вокняжение Юрия в Киеве способствовало миру и тишине во всей Руси⁵⁷.

Сравнение текстов показывает, что мы имеем дело с несколько нетипичной серией: все три версии симпатизируют одному князю, Юрию, Ипат – также киевлянам и Ростиславу⁵⁸. В Лавр и Ипат, версии «а», система формантов следующая: пассивность «киян» (люди активно действуют лишь в начале повествования, приглашают Ростислава, но это свидетельствует об их доброй воле и верности заведенному порядку, далее их поведение пассивно); активность жертвы-Ростислава и одного из князей-соперников (Изяслава); положительная оценка Юрия, отрицательная – его противников, жертвы и второго соперника. В Ипат враждебное отношение к

Ростиславу смягчено, однако основные элементы наррации, которые должны были подтвердить честность поведения киевлян и бесконфликтность отношений с Ростиславом, остались неизменными. НПЛ содержит лишь известия о князьях, и в целом ее изложение ближе к нейтральному. Оценки действующих лиц даны только в более широком контексте и в основном совпадают с Лавр. Имеются сведения о каком-то предательстве, но о деятельности киевлян ничего определенного не сообщается.

Несколько иные приемы использованы в описании *битвы Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким под Переяславлем 1149 г.*⁵⁹ На фоне военных действий разыгрался конфликт Изяслава с переяславцами. В Ипат и НПЛ говорится о «лести» переяславцев и договоренности их с Юрием, тогда как в Лавр отсутствуют какие-либо намеки на вечернюю активность горожан. По историографической традиции, сообщения принято рассматривать по отдельности – останавливаются на версии Лавр либо Ипат, известия НПЛ не привлекаются⁶⁰. Как и в предыдущем сюжете, в Лавр и Ипат имеются общие фрагменты текста.

Согласно Лавр, Изяслав Мстиславич обидел сына Юрия Долгорукого, Ростислава, тот пожаловался отцу, и Юрий решил воевать. Изяслав и Юрий с двух сторон подошли к Переяславлю, епископ Евфимий молил Изяслава смириться с дядей, но киевский князь его не послушал. Войска долго стояли друг против друга, Юрий уже решил было идти «вспять», но Изяслав пошел за ним, напал первым и потерпел поражение. Говорится о победе Юрия и о бегстве войск Изяслава. Переяславцы оказались самыми стойкими: «И первѣ побѣгоша поршане, потом Изяславъ Давыдовичъ, и по сих кыяне и переяславци. И многы избиша, а другыя руками изымаша».

В Ипат сохранено большинство фрагментов Лавр текста, но введены обширные дополнительные блоки: посольство Юрия к Изяславу с предложением мира и отказ последнего; детальное описание противостояния войск и нескольких совещаний киевского князя с дружиной. Но главное – кардинально изменена редакция поступка переяславцев. По мнению киевского летописца, в битве они предали Изяслава, первыми бежали с поля боя.

«И бысть леть въ переяславцехъ, рекоуче: Гюрги намъ князь и свои, того было нам искати и далече. То рекоуче, и поскочиша. Видивше же полци Изяславлѣ и Ростиславлѣ, смятошася».

НПЛ поддерживает версию измены, но варьирует следствия: переяславцы вообще отказываются воевать, подстрекаемые Юрием.

«Гюрги приде на Кыевъ, позванъ Святославомъ Олговицемъ, и бишася у Переяславлѣ. И переяславъци сѣдоша на щитѣ наущениемъ Гюргя».

По Лавр, Юрий Володимирич невиновен. Изяслав его обидел, выгнал сына и воевал землю по Волге, что превращает поход из добывания Киева в акт справедливой мести. Политика Изяслава неправильная. Он не послушал молений епископа, первым атаковал Юрия, хотя тот уже отводил войско. Переяславцы бежали последними, показав невиданную стойкость. Об измене речи не идет, хотя единомышленники версий Ипат и НПЛ позволяют предполагать здесь умолчание.

Киевский свод сохраняет пассажи, где Изяслав обидел сына Юрия и не послушал епископа. Кроме того, приводится послание суздальского князя с перечнем «обид» и мирными предложениями, в известном смысле усиливающее оценку Лавр. Но ответственность за то, что Изяслав первым начал бой, частично с него снята: князю так посоветовала его дружина. К тому же, он последним покидает поле боя, бьется храбро, а храбрость князя, пусть и безрассудная, одобряется летописцами. «Леть въ переяславцехъ» подается сдержанно, без проклятий и сильных эпитетов. Но также, между прочим, оправдывает Изяслава. Прямого обвинения Юрия в провокации горожан нет, просто говорится о том, что Изяслав потерпел неудачу из-за неверности людей.

В НПЛ нет информации об оскорблении сына Юрия. Начинает конфликт суздальский князь, он приходит, «позван» Святославом Ольговичем⁶¹. Однозначных оценок соперников непосредственно в описании их столкновения также нет. Контекст содержит лишь некоторые неоднозначные намеки. В статье этого года отмечено, что Изяслав Мстиславич с митрополитом Климентом Смолятичем злонамеренно не хотели отпустить новгородского епископа из Киева.

Но одновременно фиксируется битва новгородцев и суздальцев, в которой, естественно, героями выступают новгородцы. То есть, прослеживается скрытое неодобрение обоим князьям, Изяславу и Юрию (возможно, это следствие редактирования)⁶². Измена перяславцев фиксируется без оценок. Тем не менее, прямо отмечена договоренность горожан с Юрием, тогда как в Ипат речь шла об их самостоятельном решении, и «лесть» не была спровоцирована суздальским князем.

Таким образом, система формантов Лавр версии, оправдывающей Юрия и перяславцев, выглядит следующим образом («а»): отсутствует информация об активности - предательстве - горожан, поведение их одобряется. Князь-жертва Изяслав действует активно и инициирует столкновение с Юрием, отношение к нему скрыто враждебное, все шаги князя-соперника Юрия вынужденные. Форманты нейтральной (?) версии НПЛ («b»): прямое сообщение об измене горожан, начинается конфликт князь-соперник, жертва пассивна, защищается, а не нападает; оценки амбивалентны. В Ипат, сложном нарративе, имеющем общие с Лавр элементы, присутствует и осуждение, и оправдание («ab»). Что касается князей, содержание в основном соответствует Лавр, но предпринята и непоследовательная попытка обелить Изяслава. Характеристика перяславцев отрицательная, есть сообщение о предательстве, но о том, что Юрий приложил к этому свою руку, не сказано.

Приведенными сериями параллельные сообщения о конфликтах горожан с князем не исчерпываются, однако объем статьи не позволяет проанализировать все их достаточно полно. Подводя итоги наблюдениям над параллельными описаниями конфликтов «людей» с князем, следует отметить, что тексты обычно представляют две версии: «а» оправдывает горожан и князя-соперника, «b» – осуждает людей и (или) оправдывает жертву. В последнем случае встречаются и нейтральные тексты. Но в основном летописцы решают вопрос «кто виноват». Положительная оценка вечников сочетается со сведениями об их пассивности и вынужденности действий, провоцируют конфликт князя. И наоборот, при отрицательном отношении к горожанам пишут об их активности, в

крайнем выражении – предательстве, а князь выступает послушным исполнителем требований «людей». Конструктивную деятельность, в частности, развязку конфликта, чаще всего приписывают положительным персонажам. В подавляющем большинстве случаев по тем или иным причинам в тени остаются князья-соперники, что, кстати, придает собраниям людей известную самостоятельность, столь желанную для сторонников «народовластия» на Руси. В сложных схемах, где присутствуют двое соперников и оценка жертвы амбивалентна, элементы могут быть перепутаны, смешиваются оправдание и осуждение. Как можно предполагать, так случилось из-за редактирования текстов.

В таблицах подано соотношение формантов в оправдывающей и осуждающей (нейтральной) версиях, по каждому из сюжетов.

Версия А

годы	1167	1141-1142	1160/1161	1208	1206	1154	1149
Пассивность горожан	+	+	+/-	+	+	+	+
Активность жертвы	+	+	+	+	+	+	+
Пассивность соперника	+	+	+	+	+	+	+
Положительная оценка горожан	+	+	+	+	+	+	+
Отрицательная оценка жертвы	+	+	+	+	+	+/-	+/-
Положительная оценка соперника	+	+	+		-	+	+
Темпоральные смещения ⁶³	+	+	+	+	+		+
Искажения, умолчания	+	+	+	+	+	+	+

Версия В

годы	1167	1140-1142	1160-1161	1208	1206	1154 ⁶⁴	1149
Активность вечников	+	+	+	+	+		+
Пассивность жертвы	+	+	+	+	+		+
Скрываются действия соперника	+	+	+	+	+		+/ ⁶⁵
Отрицательная оценка горожан	+	+	+	+	+		+/0
Отрицательная оценка соперника	+		+		+		+
Положительная оценка жертвы	+	+	+	+	+		-+

Необходимо признать, что основные элементы конструирования нарративной схемы могли варьироваться. У разных летописцев были разные цели – оправдание князя-соперника, жертвы и/или самих горожан. Соответственно, менялись акценты повествования. Порой одинаковые интенции выливались в разные сюжетные решения – умолчать об агрессивном выпаде либо наоборот, подчеркнуть агрессивность «людей», продемонстрировать ее на разных этапах разворачивания конфликта. Несхожие приемы использовались, чтобы скрыть политический подтекст конфликтов, чаще всего связанных с переходом столов. Любопытно, что пассивную линию защиты часто выбирает «местная» новгородская летопись, что противоречит традиционным представлениям о роли и «мироощущении» новгородцев.

-
- ¹ Аналогичное явление в параллельных сюжетах иного типа см.: Вілкул Т.Л. Віче в паралельних повідомленнях літописів // Укр. іст. журн. – 1998. – №4. – С.70-81.
- ² При стандартном переводе на современное летосчисление. ПСРЛ. – Т.2. – Стб. 537 (далее ссылки на Ипат по схеме: 537И); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.-Л., 1950. – С.32. Расхождение объясняется хронологическими сбоями в этой части Ипат, в НПЛ год мартовский. Бережков Н.Г. Хронология русских летописей. – М., 1963. – С.240-241.
- ³ См., напр.: Сергеевич В.И. Древности русского права. Т.2.: Вече и князь. Советники князя. – СПб., 1908. – С.97; Костомаров Н.Н. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (Новгород, Псков, Вятка). – Т.1. – СПб., 1863. – С.69-70; Грушевський М.С. Історія України-Руси. – Т.2. – К., 1992. – С.196; Толочко П.П. Древняя Русь. – К., 1987. – С.229; Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. – Л., 1987. – С.68.
- ⁴ Ошибка в обоих списках, Ипатьевском и Хлебниковском, надо: Ростиславича.
- ⁵ Как правило, известие о собрании «по дворам в ночи» истолковывают буквально. Чаще всего семантика ночи, темноты использовалась в описаниях битв. Отразилась в борисо-глебском цикле и стала одним из книжных топосов, см., напр., сюжеты 1016 г., ПСРЛ. – Т.1. – Стб. 142 (далее цитируется по схеме: 142Л), НПЛ, с.15; 1019 г., 144Л; 1024 г., 148Л; 1069 г., 173Л; 1074 г., 188Л; 1078 г., 201Л; 1149 г., 322Л, и др. Что касается «тайного в ночи», то имеем три подобных свидетельства. Данное известие Ипат осуждает новгородцев, а НПЛ под 1141 и 1222 г. пишет о том, что тайно в ночи бежал князь (соответственно, оценка новгородцев положительная, а князьях жертвы – отрицательная). Вероятно, указание на собрание «по дворам», а не на положенном публичном месте – из той же серии, но здесь аналогов подыскать не удалось.

- ⁶ Нет – имеется в виду в этом сюжете, обладающем завершенностью. Лишь в известии о смерти Святослава говорится о том, что он умер, «воюя Новгородскую волость», 550И.
- ⁷ В целом Мстислав Изяславич был положительным персонажем Ипат. Но в данном случае столкнулись интересы Мстислава и его двоюродных братьев Ростиславичей, один из которых был заказчиком Киевского свода. Соответственно, в Ипат посажение Романа – причина похода на Киев: «...Прислашася новгородци къ Мъстиславу, просяче сына оу него, и дасть имъ Романа, и болши вражда бысть на Мъстислава от братьѣ, и начаша ся снашивати рѣчьми братья вси на Мъстислава, и тако оутвердившеся крестомъ братья», 543И.
- ⁸ О зависимости Новгорода от Киева: Толочко П.П. Киев и Киевская земля в период феодальной раздробленности XII-XIII вв. – К., 1980. – С.77; Котляр М.Ф. Політичні взаємини Києва і Новгороду в XII ст. // УІЖ. – 1986. – №9. – С.19-29; Толочко П.П. Киев и Новгород в XII-начале XIII вв. в новгородском летописании // Великий Новгород в истории средневековой Европы. – М., 1999. – С.171-179; Вилкул Т.Л. Новгородцы и русские князья в летописании XII в. // *Russia Mediaevalis*. – München, 2002. – Т.Х.1. – С.34-54.
- ⁹ В НПЛ нет намеков на столкновение интересов, и не говорится о разгроме Киева 1169 г.: «Въ то же врѣмя ходиша Ростиславици съ Андреевицьмъ и съ смолянны и съ полочяны и съ муромьци и съ рязаньци на Мъстислава Киеву; онъ же не бияся с ними, отступи волею Києва», НПЛ, с.33, под 1168 г. Ср. яркие описания взятия города в Лавр и Ипат, 354Л, 544-545И.
- ¹⁰ 307-310И, 308-309Л и НПЛ, с.26. Правильная хронология в НПЛ (1141-1142 гг.), мартовский год, в Лавр – на единицу меньше мартовского, в Ипат – сложные смещения. См. Бережков Н.Г. Хронология, с.233, 236, 243.
- ¹¹ Грушевський М.С. Історія України-Руси, т.2, с.141, Толочко П.П. Історичні портрети. – К., 1990. – С.100 (по Ипат); Янин В.Л. Новгородские посадники. – М., 1962. – С.96-97 (по НПЛ).
- ¹² В борьбу 1132-1142 гг. были замешаны дети Мстислава, их дядья Мономашичи и черниговские Ольговичи, о данном сюжете: Вилкул Т.Л. Новгородцы и русские князья, с.45-47.
- ¹³ «Зять» – шурин Изяслава и Святополка Мстиславичей, Всеволод Ольгович.
- ¹⁴ Приблизительный перевод: «Пришли из Киева (послы) от Всеволода по брата Святослава, (чтобы) вести (его) в Киев. – «А сына моего, наказывал (Всеволод) примите к себе князем». В НПЛ лаконичный разговорный стиль, без пояснений, что очень характерно для этой летописи.
- ¹⁵ Пассаж о «насильи» был сильной характеристикой: см. в Ипат за XII в. 288И, 660И, 665И. И наоборот, «не створити насилья» засчитывалось князю в плюс, 322И, 480И.
- ¹⁶ Ипат ближе к Лавр. Еще не выгнали, но «въсташа» (восстали), и начали активные действия против приятелей. Ход, напоминающий НПЛ – Святослав сам просил у брата об отставке.
- ¹⁷ Промежуточный вариант в Ипат. Киевского князя убедили мольбы его жены – сестры Мстиславичей, но он также «смогвился» (договорился) с новгородцами.
- ¹⁸ Репрессивные меры безличные, неизвестно, кто их осуществлял: «Новгородци не стерпяче безо князя сѣдити, ни жито к ним не идяше ни откудуже, и емлюще метяхуть и в погробъ»
- ¹⁹ По крайней мере, Святослава Ольговича. Намек на осуждение его брата, Всеволода, может прочитываться в сообщении о заключении новгородцев под 1140 г.
- ²⁰ Ср.: 509-511И, 518И, 351Л, НПЛ, с.30-31. В Ипат 1161 г., по ультрамартовскому стилю. Бережков Н.Г. Хронология, с.240.

- ²¹ Напр.: Грушевський М.С. Історія України-Руси, т.2, с.189; Филюшкин А.И. Понятие «измены городу» в средневековой Руси // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее Новое время (XI-XVIII вв.). – М., 2001. – С.198.
- ²² В Ипатьевском списке, по-видимому, ошибка писца, в Хлебниковском «снемся».
- ²³ В частности, слово «ыстобка» появляется единственный раз в Киевском своде, и именно в этом сюжете, а оно характерно для рассказа ПВЛ о Васильке. Еще один общий сюжетный ход – вопрошание принесшего дурные вести, напоминание о крестоцеловании.
- ²⁴ Андрей поддерживал Изяслава Давыдовича в споре с Ростиславом, но вскоре (Ипат под 6670/ 1162 г.) тот был убит в сражении при попытке захвата Киева, Ростислав победил, что позволило ликвидировать и новгородский конфликт.
- ²⁵ Начиная со второй половины XII в. в Новгороде чаще всего княжили дети суздальских князей. Если для новгородца главным событием было изгнание племянника Андрея Мстислава, тогда понятно, почему так бесчувственно описан конфликт со Святославом, а «выведение» Мстислава приписывается князьям. Тогда выходит, что новгородцы ни в чем не виноваты, все решили за них князья, причем по обоюдному согласию.
- ²⁶ Текст очевидно отредактирован, т.к. дублируется сообщение о ссылке князя в Ладогу.
- ²⁷ В тексте, не имеющем соответствий в Лавр, в статье 1160 г.: посольство и речи Андрея привели к тому, что у новгородцев начался мятеж. Разумеется, во фрагменте о посольстве новгородцев и переговорах с Андреем, тождественном Лавр, интенции иные.
- ²⁸ Ср.: 491И, 348Л, НПЛ, с.30; 435Л, НПЛ, с.51-52, с.249, ПСРЛ. – Т.38. – С.164; 439Л, НПЛ, с.53; 445Л, НПЛ, с.60-61, с.263; 474Л, НПЛ, с.80-81; 475Л, НПЛ, с.82-83.
- ²⁹ См.: 434Л; ПСРЛ. – Т.38, с.163; НПЛ, с.51. О датировке: Бережков Н.Г. Хронология, с.256.
- ³⁰ Перед началом этой истории в ЛПС в той же статье 6717 г. рассказывается о действиях остатка незахваченных Всеволодом рязанских князей: «Поиде Олегъ, и Глѣбъ, и Изяславъ Володимиричи, и кюръ Михаилъ Всеволодичъ с половци на Давыда... къ Пронску... И осѣдоша Пронескъ. Давыдъ же выслався к нимъ из города... И уладишася с нимъ. И иде Давыдъ къ Мурому, а въ Пронску сѣде кюръ Михаилъ». ПСРЛ. – Т.38. – С.163.
- ³¹ «Ряды» в Синодальном списке, «рядъ» в НПЛ младшей редакции.
- ³² Надо думать, так НПЛ Всеволода рисует в конфликте с рязанцами потому, что на это время приходится смена князей в Новгороде. На место Всеволода приходит представитель иной, смоленской династии, Мстислав Мстиславич (Удатный).
- ³³ НПЛ, напр., «затягивает» вступление Мстислава Мстиславича в Новгород. Вилкул Т.Л. Хронологические сбои в Новгородской первой летописи (текст за первую треть XIII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. – XVI. – М., 2004. – С.23.
- ³⁴ 717-718И, 426-427Л. Год проставлен в ГВЛ неверно. Относительно Лавр см.: Бережков Н.Г. Хронология, с.88-89, 99-100; предполагается переход с ультрамартовского на мартовский стиль, т.е., в переводе на современное летосчисление, 1205-1206 гг. В ЛПС имеется сообщение об одном походе Рюрика, под 6714 (ультрамартовским) годом: ПСРЛ. – Т.38. – С.163. Вдобавок к приводимым исследователями известиям сообщения о двух походах Рюрика, под 6713 и 6714 /1205 и 1206 гг., содержится в списках Симеоновско-Троицкой

группы. При этом описание 2-го похода совпадает с Лавр, а 1-й дан в иной редакции. «Того же лѣта рострижеся Рюрикъ князь, и слышавъ смерть Романову, и совокупи собѣ Олговичи и половци, и поидоша на Галичь, яко же пророкъ рече: скоры суть нозѣ ихъ пролиати кровь бес правды. Слышавъ же король, аже идуць князи русскыа на Галичь, и посла помочь въ Галичь Романовичема. Галичяне же слышавше полкы силны русскыа едуче, не възмогша стати противу имъ, зане дѣтска бяше у нихъ Романовича, и затворишася по градомъ. Они же пришедше сташа около Галича и бяхутся изъ города крѣпко, и мнози обоихъ падааху уязвлени. Видѣвше же брань крѣпко у города, и възвратишася въспять, сель много пожегше». Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. – СПб., 2002. – С.291-292. Откуда взялась эта редакция – неясно, но как кажется, здесь ощущается влияние Ипат.

³⁵ Традиционно считают, что Игоревичей в Галич привели бояре, а не галичане в целом (сведения Лавр при этом в расчет не берутся), см. напр.: Грушевський М.С. Історія України-Руси, т.2, с. 229-230, 481; Рыбаков Б.А. Киевская Русь, с.516-517, Крип'якевич І.П. Галицько-Волинське князівство. – К., 1984. – С.89, 124.

³⁶ Грушевський М.С. Історія України-Руси, т.2, с.229-230; Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – М., 1950. – С.194-195; Крип'якевич І.П. Галицько-Волинське князівство, с.84; Генсьорський А.І. Галицько-Волинський літопис (процес складання; редакції і редактори). – К., 1958. – С.18; Котляр М.Ф. Галицько-Волинська Русь. – К., 1998. – С.163-165; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. – СПб., 2001. – С.371-376.

³⁷ Рюрика Ростиславича постриг Роман Мстиславич.

³⁸ В данном случае «мятежь», скорее всего, обозначает тревожное положение, а не восстание.

³⁹ Отмечалось, что Ярослав был родственником последнего галицкого князя Володимира Ярославича (Грушевський М.С. Історія України-Руси, т.3, с.20, прим. 1). Впрочем, эта деталь соответствует прежде всего тенденции суздальских летописцев концентрировать внимание на местных князьях. См., напр.: Горский А.А. Русские земли в XIII-XIV вв. Пути политического развития. – М., 1996. – С.96.

⁴⁰ 428л.

⁴¹ Правда, некоторые детали позволяют предполагать контаминацию двух походов в один. В соседних строках галичане бьются за Данила и Василька, и тут же готовы их предать, 717И. Такое противоречивое изложение можно объяснять непоследовательностью припоминания или же скорее, редактированием текста.

⁴² Первый поход: «собравшю же Рурику... и не стерпѣвше, и възвратишася в Галичь», а также: «тогда же два князя половѣцкая... и за мало ихъ не яша». Второй: «И пришедшю... бѣ бо инѣхъ много угоръ».

⁴³ Пашуто В.Т. Очерки, с.194.

⁴⁴ Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // ЗНТШ. – Т.41. – Львів, 1901. – С.7-8. Такое решение поддержано А.В. Майоровым, Галицко-Волынская Русь, с.374.

⁴⁵ См. также: Грушевський М.С. Історія України-Руси, т.2, с.229-230.

⁴⁶ См.: «...але угорський король взяв Данила в опіку і в Галич введено угорську залогу»; «...в поміч Романовича знову прибув угорський король». Грушевський М.С. Історія України-Руси, т.2, с.229. Продублировано известие и в цитированной работе А.В. Майорова, с.372, 375. Грушевскому были неизвестны чтения Симеоновско-Троицкой группы (исследование этих летописей началось позже), и дубль о помощи короля следует отнести к его собственному творчеству.

⁴⁷ 421Л, 426Л.

⁴⁸ При том редактирование достаточно позднего времени. Г.М. Прохоровым отмечалось подобие стиля статей 1206 и 1237 гг. Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. – XXVIII. – Л., 1974. – С.77-98. М.Д. Приселков считал, что особенности изложения Лавр, дополнительные известия о сыне Всеволода Константине и Константиновичах обусловлены редакционной правкой, но раннего времени, введением летописца Константина Всеволодича (Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. – Л., 1940. – С.91 (СПб., 1996, с.267, прим.77). Н.Г. Бережков объясняет удвоение переходом с ультрамартовского на мартовский стиль (Хронология, с.88-99), хотя и признает, что дублировки даты при таком переходе, как правило, не бывает.

⁴⁹ См. выше. К тому же, существовали веские причины, чтобы замалчивать триумф Ольговичей. Галицкий летописец обошел этот факт из-за лояльности Романовичам, которых в ГВЛ неизменно упоминали исключительно в положительном контексте. Выведение из игры Ольговичей позволяло счастливо обойти и споры за выморочный галицкий стол (Ольговичи, и особенно Игоревичи, были родственниками угасшей династии), и вопрос военного давления на Галич. Романовичей выставляли в роли единственных законных наследников, перед которыми изменники-галичане, естественно, провинились. В Лавр же прослеживается ощутимая антипатия к Ольговичам. Черниговские князья были опасными соперниками Суздаля и умолчания суздальской версии также вполне объяснимы.

⁵⁰ Зато введен неосновной персонаж из той же категории соперников, Ярослав Всеволодич.

⁵¹ Ср.: 471-478И, 342-345Л, НПЛ, с.29.

⁵² Что отмечал, напр., Н.Ф. Котляр, Древнерусская государственность. – СПб., 1998. – С.339.

⁵³ Напр., в описании битвы с половцами (475И – 343Л) в общем с Лавр тексте войско Ростислава бежит от половцев, «и побѣгоша вси», а в дополнительных фрагментах Ипат сказано: «и бишась с ними по два дни, и тако смятошась половци» (и тогда совершенно непонятно, почему русские войска, а не половецкие, были разгромлены). Далее, племянник Ростислава Мстислав Изяславич бросает дядю, войско еще 2 дня бьется с половцами, и Мстислав бежит вместе с остальными (как не могло бы быть, если бы сражение в самом деле продолжалось два дня после его ухода). В Лавр этого двухдневного периода нет. Кроме того, в дополнительных фрагментах Ипат Святослав Ростиславич спасает отца, а в общем с Лавр тексте он бежит вместе со Мстиславом, отдельно от отца.

⁵⁴ См., напр.: Сергеевич В.И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. – М., 1867. – С.77; Сергеевич В.И. Древности, т.2, с.81; Грушевський М.С. Історія України-Руси, т.2, с.176-177, 294; Тихомиров М.Н. Древнерусские города. – М., 1956. – С.198; Соловьев К.А. Властители и судьи Легитимация государственной власти в древней и средневековой Руси. IX – первая половина XV в. – М., 1999. – С.38.

⁵⁵ Двойной ряд: вначале договор с Ростиславом и Вячеславом, а после планируемый договор с Ростиславом. Линниченко И.А. Вече в Киевской области. – К., 1881. – С.48. Одна из последних попыток преодолеть противоречивость сообщения была предпринята К.А. Соловьевым. По его мнению, одна договоренность была достигнута при Вячеславе, а вторая – после его смерти. Однако, следует напомнить, что киевляне договаривались о княжении

-
- Ростислава до его (а не Вячеславова) «живота». Кроме того, автор опирается собственно на это уникальное свидетельство и не приводит аналогов. Соловьев К.А. Властители и судьи, с.38.
- ⁵⁶ Напр., 383И, под 1149 г. (в тексте «не погубита», двойственное число).
- ⁵⁷ О Ростиславе говорится под 1154 г. «И възнегодоваша новгородци, зане не створи имъ ряду, нъ боле раздыра, и показаша путь по немь сынови его», НПЛ, с.29. В статье 1155 г. после сообщения о вокняжении Юрия в Киеве сказано, что он поступил, как истинный правитель: «и прия Гюрги сыновъць (племянников, т.е., того же Ростислава и других – *Т.В.*) въ миръ съ любовью, и волости имъ раздая достойныя, и бысть тишина въ Русьстеи земли».
- ⁵⁸ В Ипат, где акценты должны бы быть расставленными иначе, так случилось из-за сохранения обширного пласта общего с Лавр текста.
- ⁵⁹ 378-382И, 321-322Л, НПЛ, с.28.
- ⁶⁰ Сергеевич. В.И. Древности, т.2, с.264; Кучера М.П. Переяславское княжество / / Древнерусские княжества X-XIII вв. – М., 1975. – С.131; Фроянов И.Я. Дворниченко А.Ю. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ. – Л., 1986. – С.303.
- ⁶¹ Возможно, намек на то, что Святослав мстил за убитого брата, Игоря Ольговича. Инициатива с Юрия частично переложена на плечи Святослава, который в общем также прав.
- ⁶² По некоторым признакам, эпизоды относятся к разновременным пластам. Бросается в глаза то, что в НПЛ практически отсутствуют известия о сыне Изяслава Ярославле, не смотря на то, что он княжил 6 лет, и эти годы были насыщены событиями (1148-1154, НПЛ, с.28-29). Лакуну заполняют церковные известия, и именно в них ощущается рука сторонника Юрия.
- ⁶³ Последние три графы касаются обеих версий.
- ⁶⁴ Осуждающая версия отсутствует.
- ⁶⁵ Скрывается в Ипат, но есть прямое сообщение в НПЛ.